

ХХII.

КНЯЗЬ КОНСТАНТИНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ ОСТРОЖСКІЙ.

Въ XIV вѣкѣ, когда въ восточной Руси Москва полагала собою зародыши единаго русскаго государства, на западѣ совершились перевороты, склонявши другую половину Руси къ политическому и общественному отчужденію отъ русскаго міра. Въ первой четверти этого столѣтія литовскій князь Гедиминъ, сынъ Витенеса, человѣкъ необыкновенныхъ дарованій, покорилъ бѣлорусскіе и волынскіе города, съ ихъ землями, изгнанъ изъ Луцка главнаго князя въ Волынской землѣ Льва, потомъ въ 1319—20 гг. на рѣкѣ Ирпени (Кievской губерніи) разбить соединившихся противъ него князей дома св. Владимира, овладѣть Киевомъ и Переяславлемъ съ ихъ землями. Послѣдствіемъ этихъ завоеваній было то, что княжескій домъ св. Владимира совершенно потерялъ свое значеніе на западѣ. Иные князья бѣжали, другіе были низведены на степень подчиненныхъ владѣтелей, а мѣсто ихъ въ смыслѣ удѣльныхъ князей замѣнили князья литовскаго происхожденія. Гедиминъ раздѣлилъ между своими дѣтьми и родственниками покоренную имъ русскія владѣнія; на Волыни сдѣлался княземъ Любартъ, въ Новгородѣ—Коріатъ, въ Пинскѣ—Наримунтъ; въ Киевѣ поставленъ былъ подручникомъ Гедимина князь Монтвидъ и т. д. Эти литовскіе князья приняли православіе и русскую народность, а ближайшее потомство ихъ до такой степени обрусило, что въ немъ не оставалось никакихъ признаковъ прежняго происхожденія. Этотъ переворотъ въ сущности былъ только династической; но разница между порядкомъ дѣлъ при князьяхъ дома св. Владимира и при князьяхъ Гедиминова дома состояла въ томъ, что князья литовскаго дома зависѣли отъ великаго князя, который находился въ Литвѣ, и съ своими удѣлами состояли у него въ ленномъ подчиненіи. Полоцкая и Витебская земли уже прежде находились подъ властью князей литовскаго племени, вѣроятно, достигшихъ княженія по выбору, а впослѣдствіи эти земли подчинялись Гедимину и потомъ уже находились подъ властью князей его рода.

Вслѣдъ за покореніемъ русскихъ земель Гедиминомъ, въ Червонной Руси произошелъ иной переворотъ. По смерти главнаго князя этой земли, прямого потомка короля Данила, Юрия II, галицкіе и владимирскіе бояре призвали къ себѣ князя Болеслава Мазовецкаго, потомка Данила Галицкаго по женской линіи; но этотъ князь принялъ католичество, оказывалъ вслѣдствіе этого пренебреженіе къ православной вѣрѣ, окружилъ себя чужеземцами и дурно обращался съ русскими; его отравили, и въ 1340 году польскій король Казимиръ, въ качествѣ мстителя за Болеслава, овладѣлъ Львовомъ и всею Галицкою землею, а также и Волынью, но долженъ быть послѣ того выдержать продолжительную борьбу съ русскими, отстаивавшими свою независимость. Главнымъ дѣятелемъ въ этой борьбѣ съ русской стороны явился князь Острожскій по имени Данило, иначе Данко; онъ былъ потомокъ Романа, одного изъ сыновей Данила Галицкаго; его ненависть къ польскому владычеству была такъ велика, что Данило Острожскій наводилъ татаръ на Польшу. Съ нимъ за-одно былъ сынъ Гедимина Любартъ, крещенный подъ именемъ Феодора. Послѣ долгаго кровопрѣлитія Казимиръ удержалъ только часть Волыни. Съ тѣхъ поръ земли, поступившія подъ власть Польши, остались за нею навсегда, и начали мало-по-малу принимать во внутреннемъ своемъ строѣ, жизни и языкѣ польское вліяніе.

Сынъ Гедимина, великий князь Ольгердъ, расширилъ русскія владѣнія, наследованныя отъ отца; онъ присоединилъ къ своей державѣ Подольскую землю, выгнавши оттуда татаръ. Подвластная ему Русь раздѣлялась между князьями, которыхъ, однако, Ольгердъ, человѣкъ сильного характера, держалъ въ рукахъ. Въ Киевѣ онъ посадилъ сына своего Владимира, который далъ начало новому роду кіевскихъ князей, господствовавшихъ тамъ болѣе столѣтія, и называемыхъ обыкновенно Олельковичами, отъ Олелька или Александра Владимировича, Ольгердова внука. Самъ Ольгердъ, два раза женатый на русскихъ княжнахъ, позволялъ своимъ сыновьямъ креститься въ русскую вѣру и, какъ говорятъ русскія лѣтописи, самъ крестился и умеръ схимникомъ. Такимъ образомъ, князья, замѣнившіе въ Руси родъ св. Владимира, сдѣлались такими же русскими по вѣрѣ и по усвоенной ими народности, какими были и князья предшествовавшаго имъ рода. Литовская держава носила название Литвы, но, конечно, была чисто русская и не переставала бы на будущее время оставаться вполнѣ русскою, еслибы сынъ и преемникъ Ольгерда на великокняжескомъ достоинствѣ Ягелло (иначе Ягайло) въ 1386 году не соединился бракомъ съ польскою королевою Ядвигою. Вслѣдствіе этого брака онъ принялъ католичество, сдѣлся ревностнымъ поборникомъ новопринятой вѣры и, потакая полякамъ, покровительствовалъ какъ распространенію католической вѣры въ русскихъ земляхъ, такъ и внѣдренію польской народности въ Руси. Въ это время былъ положенъ зародышъ явленію, которое впослѣдствіи на многие вѣка составляло отличительную черту взаимныхъ отношеній Руси и Польши. Понятіе о вѣрѣ тѣсно сливалось съ понятіемъ о народности. Кто былъ католикомъ, тотъ былъ уже полякомъ; кто считалъ себя и назывался русскимъ, тотъ

быть православнымъ, и принадлежность къ православной вѣрѣ была самыи наглядныи признаки принадлежности къ русскому народу. Ягелло бытъ человѣкъ мягкаго сердца, слабой воли и ограниченаго ума. Онъ предоставилъ Литву съ Русью управлению своего двоюроднаго брата Александра Витовта, который отличался честолюбивыми замыслами, но вмѣстѣ съ тѣмъ неумѣньемъ доводить ихъ до конца. Витовтъ постоянно колебался и впадалъ въ противорѣчія, помышляль о самостоятельности своего русско-литовскаго государства, но самъ принялъ католичество въ разрѣзъ съ русскимъ народомъ, крѣпко стоявшимъ за православіе, уступалъ во всемъ полякамъ и мирволилъ ихъ притязаніямъ. Ягелло даровалъ литовскимъ и русскимъ землевладѣльцамъ тѣ свободныя независимыя права, снимавшія съ нихъ ленныя обязанности,—права, которыми пользовались поляки у себя въ отечествѣ. Но Ягелло распространилъ эти преимущества въ Литвѣ и Руси только на тѣхъ, которые примутъ римскую вѣру. Въ 1413 году состоялось первое соединеніе Литвы съ Польшею. Поляки и литовцы обязывались совѣтоваться одни съ другими при выборѣ властителей, не предпринимать войнъ однимъ безъ другихъ и съѣзжаться на съѣзды для общихъ совѣтовъ о своихъ взаимныхъ дѣлахъ. Заключивши такой договоръ, Витовтъ послѣ того безпрестанно дѣлалъ попытки къ его уничтоженію, мечталъ о русско-литовскомъ государствѣ, но не добился до него и все-таки остался въ исторіи однимъ изъ важнѣйшихъ подготовителей порабощенія Руси Польшею. Русскіе не терпѣли его, понимая, что государство, которое онъ хотѣлъ создать, не было бы русскимъ. Не такъ относился къ русской народности братъ Витовта, Свидригелло (иначе Свидригайлъ), сохранившій православную вѣру и женатый на тверской княжнѣ Иуліанѣ Борисовнѣ. Этотъ человѣкъ, какъ и Витовтъ, руководился собственно честолюбіемъ, но превосходилъ первого умомъ и вѣрностю взгляда. Цѣль его была—сдѣлаться самостоятельнымъ государемъ русско-литовскимъ, независимымъ отъ польского короля, но онъ сообразилъ, что для этого нужно идти за одно съ русскимъ народомъ. Въ продолженіе полустолѣтія Свидригелло боролся съ Польшею, находясь во главѣ русского народа, который бытъ къ нему долгое время очень привязанъ. Борьба эта происходила еще при жизни Витовта; по смерти послѣдняго, Свидригелло сдѣлался великимъ княземъ литовскимъ, также въ качествѣ подручника Ягелла, какимъ бытъ Витовтъ, но не сталъ двоить и колебаться подобно Витовту, а тотчасъ же началъ открыто дѣйствовать, какъ самостоятельный русскій государь, и покусился отнять у Польши тѣ русскія владѣнія, которыя были присоединены къ ней непосредственно. Поляки, въ соумышленіи съ литовскими панами, принявшими католичество, свергли Свидригелла и вмѣсто него великимъ княземъ литовскимъ бытъ назначенъ братъ Витовта, католикъ Сигизмундъ, признавшій себя въ ленной зависимости отъ Польши. Но за Свидригелла была Русь. Упорная, кровопролитная борьба продолжалась нѣсколько лѣтъ не только противъ поляковъ, но и противъ литовцевъ, сторонниковъ Сигизмунда; наконецъ, самъ Свидригелло, уже вступившій въ старческій воз-

растъ, усталъ вести ее и притомъ какъ его поступки, такъ и обстоятельства лишили его опоры въ русскомъ народѣ. Свидригелло вооружилъ противъ себя литовцевъ и русскихъ жестокими казнями надъ своими недоброжелателями, иногда совершаемыми по одному подозрѣнію; такъ, между прочимъ, онъ, подозрѣвая въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ смоленского епископа Герасима, своего прежняго любимца, приказалъ сжечь его живьемъ. Во всей этой борьбѣ русскихъ съ поляками неутомимо дѣйствовалъ за-одно съ Свидригелломъ одинъ изъ русскихъ князей, Фѣдоръ или Федько Острожскій, но Свидригелло сталъ подозрѣвать и его въ измѣнѣ; этого товарища долгихъ лѣтъ борьбы и скитаній Свидригелло велѣлъ посадить въ тюрьму. Федько, освобожденный поляками, помирисился съ польскимъ королемъ. Свидригеллу остался одинъ Луцкъ. Новый польскій король, сынъ Ягелла, Владиславъ (называемый въ исторіи Варнскимъ, по случаю своей смерти въ бою съ турками подъ Варною, въ 1444 году) нанесъ покушенія Свидригелла рѣшительный ударъ своими отношеніями къ русскому народу и къ русской вѣрѣ. До сихъ поръ поляки годъ отъ году захватывали силу на Руси путемъ насилия. Король Владиславъ Ягелло строилъ костелы, надѣлялъ ихъ имѣніями, раздавалъ католикамъ земли и должностіи, заводилъ на Руси города и села, населялъ ихъ поляками и давалъ имъ привилегіи, какихъ не имѣли жители старыхъ русскихъ городовъ и селъ. Тогда явилось, такъ называемое, Магдебургское право, состоявшее въ разныхъ льготахъ, вводившее извѣстный строй самоуправленія и вмѣстѣ съ нимъ нѣмецкое раздѣленіе городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ на цехи, сообразно ихъ занятіямъ. Это право давалось только новымъ городамъ, населеннымъ католиками—поляками и нѣмцами. Послѣднихъ въ то время селилось много на Руси. Поселенцы новыхъ сель освобождались отъ разныхъ платежей и повинностей, отъ которыхъ не было извѣстія для старыхъ русскихъ сель. Земяне (бывшіе бояре-землемѣдѣльцы) уравнены были въ правахъ съ польскими шляхтичами и освобождались отъ разныхъ платежей, но только тогда, когда принимали католичество; въ такомъ случаѣ они служили въ войскахъ съ жалованьемъ, а, оставаясь въ православіи, не получали его. Принимая католическую вѣру, русскіе, какъ и литовцы, теряли свою народность и почти передѣливались въ поляковъ. Все населеніе Западной Руси раздѣлялось такимъ образомъ на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, и послѣдними были православные жители русскихъ земель. Преемникъ Владислава Ягелла, Владиславъ II (1444 г.), сталъ дѣйствовать въ иномъ духѣ, чѣмъ его отецъ, хотя для одной и той же цѣли. Онъ распространилъ привилегіи и льготы, которыми пользовались русскіе земяне латинской вѣры, на всѣхъ русскихъ земянъ безъ извѣстія. Это-то и было началомъ примиренія Руси съ Польшею и главнѣйшою причиной того, что замыслы Свидригелла не могли уже находить прежняго сочувствія, такъ какъ русскіе земяне, составлявшіе силу Края, почувствовали для себя выгоды отъ сближенія съ Польшею, вмѣсто того, чтобы видѣть въ ней враждебное начало, какъ было до того времени. Въ 1443 году король Владиславъ II далъ грамоту,

по которой во всѣхъ правахъ сравняль русскую церковь и русское духовенство съ римско-католическимъ. Такимъ образомъ и со стороны православнаго духовенства прекратились непріязненные движения. Сигизмундъ, бывшій великимъ княземъ литовскимъ, въ 1443 г. бытъ убить князьями Черторижскими; но Свидригелло не могъ уже возвратить себѣ великаго княженія, оставался въ Луцкѣ бездѣйственно и умеръ въ глубокой старости (въ 1452 г.). Новымъ литовскимъ княземъ послѣ Сигизмунда бытъ сынъ Ягелла, Казимиръ. Въ слѣдующемъ 1444 году, онъ бытъ избранъ польскимъ королемъ, и во все продолженіе его долгаго царствованія въ Литвѣ уже не было отдѣльного великаго князя. Казимиръ дѣйствовалъ во всемъ въ духѣ польской политики; хотя онъ не преслѣдоваль открыто насильными путями православной вѣры, но способствовалъ распространенію католичества и вводилъ всѣ признаки польскаго устройства въ русскія земли. Земяне получили самыя широкія права: они дѣлались, такъ сказать, полными государями въ своихъ имѣніяхъ. Вмѣсто отдѣльныхъ князей, подручныхъ великому князю, введены были, по образцу польскому, воеводы и каштеляны, назначаемые пожизненно. Такимъ образомъ, между прочимъ, и въ Киевѣ, въ 1476 году, по смерти князя Михаила изъ рода Владимира Ольгердовича, начались воеводы. Должность эту получали знатныя лица. Князья, потомки Гедимина и св. Владимира, сдѣлались самостоятельными владѣтелями въ своихъ имѣніяхъ, наравнѣ съ польскими панами; они обладали огромными богатствами, и вся земля русская, особенно южная, находилась во владѣніи немногочисленныхъ родовъ, каковы были: Острожскіе, Заславскіе (составлявшіе другую вѣтвь одного дома съ Острожскими), Вишневецкіе и Збаражскіе — потомки Ольгерда, Черторижскіе, Сангушки, Воронецкіе, Рожинскіе, Четвертинскіе и другіе. Въ Руси начала господствовать аристократія. Остальной народъ болѣе и болѣе зависѣлъ отъ нея. Владѣльцы имѣли право суда надъ своими подданными и не допускали короля вмѣшиваться въ свое управлѣніе. Города, наполняемые въ значительной степени іудеями, одинъ за другимъ получали Магдебургское право, но, при силѣ аристократіи, не могли быть огражденными отъ произвола сильныхъ вельможъ. Польскіе порядки болѣе и болѣе приходились по нраву высшему классу, и это повлекло русскихъ земянъ къ большему сближенію съ Польшею. Послѣ Казимира нѣсколько времени Литва и Польша имѣли отдѣльныхъ владѣтелей въ лицѣ польского короля Яна Альбрехта и брата его, великаго князя литовскаго, Александра. Но это продолжалось короткое время; скоро, по смерти Альбрехта, Польща и Литва опять соединились подъ властью Александра, избраннаго польскимъ королемъ, и съ тѣхъ поръ отдѣльныхъ великихъ князей въ Литвѣ уже не было. Въ это время состояніе низшаго класса народа, такъ-называемыхъ, кметей или хлоповъ, дѣлалось тяжелѣе. Паны не стѣснялись болѣе древнимъ обычаемъ — не переводить хлоповъ съ одной земли на другую, и нерѣдко вовсе лишали ихъ земли; такимъ образомъ, низшій классъ, земледѣльцы, очутились собственно безземельными, а тѣмъ самыемъ въ порабощеніи у владѣвшихъ землями. Поземельное владѣніе могло быть только до-

стояніемъ людей шляхетскаго званія. Въ XVI вѣкѣ Польшею и Литвою правили одинъ за другимъ короли: Сигизмундъ I и сынъ его Сигизмундъ-Августъ. Права шляхетства дошли до крайнихъ предѣловъ. Панскіе подданные были совершенно изъяты отъ покровительства короля. Положеніе не-шляхетнаго человѣка до такой степени было унижено, что, по литовскимъ законамъ, вошедшемъ въ сборникъ, называемый Литовскимъ Статутомъ, шляхтичъ, убивший чужого холопа, или даже вольнаго человѣка, но не шляхтича, наказывался только платежемъ пени (головщина). Хотя одинаковое право предоставлялось всѣмъ людямъ шляхетскаго происхожденія, какъ богатымъ, такъ и бѣднымъ, однако, на дѣлѣ не могло удержаться это равенство, при несоразмѣрности достоянія землевладѣльцевъ: масса вольныхъ шляхтичей дѣлалась въ сущности подчиненою знатнымъ панамъ, которые обладали огромными пространствами земель и сотнями, даже тысячами поселеній. Въ это время Польша, какъ по географическому положенію, такъ и по условіямъ жизни, стоявшая ближе Руси къ Западной Европѣ, гдѣ наступила эпоха духовнаго возрожденія, по умственному образованію была гораздо выше Руси, и русское шляхетство, естественно, подчинялось ея цивилизующему вліянію. Тогда какъ у поляковъ существовала краковская академія, много училищъ, являлись замѣчательные по своему времени ученыe и поэты, распространено было знакомство съ латинскою литературою; не прерывалось общеніе съ западнымъ просвѣщеніемъ,—въ польской и литовской Руси господствовалъ мракъ, не предпринималось почти никакихъ мѣръ къ образованію въ области своей народности. Южная и Западная Русь стояли въ этомъ отношеніи даже ниже Сѣверо-восточной, гдѣ, по крайней мѣрѣ, сохранились давніе памятники словянской литературы, и гдѣ время отъ времени появлялись, какъ мы видѣли, болѣе или менѣе замѣчательные плоды умственной работы. Въ польской и литовской Руси мы долгое время не видимъ ничего, кроме официальныхъ бумагъ, писанныхъ на языкахъ, который свидѣтельствуетъ о постоянно увеличивавшемся вліяніи и господствѣ польского языка. Такимъ образомъ, въ XVI столѣтіи сложился особый русскій письменный языкъ, представляющій смѣсь древнесловяно-церковнаго съ народными мѣстными нарѣчіями и польскимъ языкомъ. Польское вліяніе все болѣе и болѣе господствовало надъ этимъ языкомъ, и, наконецъ, довело его до того, что онъ сталъ почти польскимъ языкомъ, только съ удержаніемъ русской фонетики. Вліяніе польское отразилось и на простонародной рѣчи: польскія слова, выраженія и обороты стали входить въ простонародный языкъ малорусской и бѣлорусской вѣтви. Вмѣстѣ съ тѣмъ начали проникать въ русское высшее общество польскіе нравы и воззрѣнія; такимъ образомъ польско-литовская Русь принимала особую физіономію, отличавшую ее отъ Сѣверо-восточной Руси уже не однimi, издревле существовавшими, этнографическими отличіями, но сильною близостью къ Польшѣ, и въ будущемъ, очевидно, подготовлялось совершенное слитіе Западной и Южной Руси съ Польшею.

Потомки Федора Острожскаго, такъ долго боровшагося за

независимость Руси¹⁾, оставались вѣрны Польшѣ, какъ и вообще русскій высшій классъ, видѣвшій для себя въ соединеніи съ Польшею неисчерпаемую выгоду, былъ ей вѣренъ. Кромѣ безусловнаго права владѣть своими родовыми имѣніями, почти ничего не платя въ казну, русскіе паны, сообразно польскому обычаю, получали еще въ по жизненное владѣніе государственныя имущества, называемыя староствами, съ обязанностью давать съ нихъ четвертую часть дохода на содержаніе войска и поддержку укрѣплений. Все это, естественно, привязывало ихъ къ странѣ, откуда истекали для нихъ такія выгоды.

Правнукомъ Федора Острожскаго, знаменитаго своею борьбою за Русь противъ Польши, былъ знаменитый Константина Ивановичъ, гетманъ литовскій, вѣрный слуга польскаго короля, бывшій въ плѣну у Ивана III и потомъ отмстившій за свой плѣнъ пораженіемъ, нанесеннымъ московскому войску подъ Оршою. Вражда къ православной Москвѣ и вѣрная служба королю-католику не мѣшали ему славиться православнымъ благочестіемъ²⁾. Онъ щедро строилъ и украшаль православныя церкви, вмѣстѣ съ тѣмъ заводилъ при церквяхъ школы для дѣтей, и, такимъ образомъ, полагалъ начатокъ русскаго просвѣщенія.

Сынъ его, Константина Константиновича, былъ киевскимъ воеводою и однимъ изъ знатнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ пановъ Польши и Литвы долѣе, чѣмъ въ продолженіе полу столѣтія, и при томъ въ самую славную и богатую событиями эпоху польской исторіи. Онъ не отличался ни воинскими подвигами, ни государственными дѣяніями; напротивъ, изъ современныхъ писемъ польскихъ королей мы узнаемъ о немъ, что онъ навлекалъ на себя упреки въ нерадѣніи о защите вѣреннаго ему воеводства, оставляя киевскій замокъ въ печальномъ положеніи, такъ что Киевъ могъ безпрестанно подвергаться разоренію отъ татаръ; кромѣ того, онъ не платилъ податей, слѣдовавшихъ съ его староствъ. Въ молодости своей, какъ рассказываютъ, онъ заявлялъ себя въ домашней жизни не совсѣмъ благовиднымъ образомъ: такъ, между прочимъ, онъ помогъ князю Димитрію Сангушкѣ увезти насильно свою племянницу Острожскую. Нѣкоторыя черты его жизни показываютъ въ немъ суетнаго и тщеславнаго пана. Онъ обладалъ огромнымъ богатствомъ: кромѣ родовыхъ имѣній, заключавшихъ въ себѣ до восьмидесяти городовъ съ нѣсколькими тысячами сель, у него во владѣніи находились пожалованыя ему огромныя четыре староства въ Южной Руси; доходы его простирались до миллиона червонныхъ золотыхъ въ годъ. При такой обстановкѣ, Константина Константиновичъ платилъ большую сумму одному каштеляну только за то, что тотъ два раза въ годъ долженъ былъ стоять за его кресломъ во

¹⁾ Русскіе высоко цѣнили память этого борца за свою народность; до сихъ поръ тѣло его почиваетъ въ киевскихъ пещерахъ въ ряду киевскихъ пещерскихъ угодниковъ.

²⁾ Онъ умеръ 70 лѣтъ отъ рода въ 1533 году. Тѣло его было погребено въ главной церкви Киево-Печерской Лавры, гдѣ до сихъ поръ сохранился въ нишѣ сѣверной стѣны его мраморный памятникъ съ статуею прекрасной работы, изображающею спящаго героя.

время обѣда; ради своеобразности, онъ держалъ при своемъ дворѣ обжору, который удивлялъ гостей тѣмъ, что съѣдалъ невѣроятное количество пищи за завтракомъ и обѣдомъ. Не столько личныя способности князя Константина Константиновича, сколько его блестящее положеніе давало ему важное значеніе и поставило его въ средоточіе возникавшей въ то время умственной дѣятельности на Руси. Подобно вѣльможамъ своего времени, и онъ показалъ себя сторонникомъ Польши; на знаменитомъ сеймѣ 1569 года подпісалъ присоединеніе Волыни и Киевскаго воеводства къ Польскому Королевству на вѣчныя времена, и своимъ примѣромъ много содѣйствовалъ успѣху этого дѣла. Будучи русскимъ и считая себя русскимъ, онъ, однако, подчинился вліянію польской образованности и употреблялъ польскій языкъ, какъ показываютъ его семейныя письма. Оставаясь въ вѣрѣ своихъ отцовъ, Острожскій, однако, склонялся къ іезуитамъ, пустилъ ихъ въ свои владѣнія, и особенно ласкалъ одного изъ нихъ, по имени Мотовила: это ясно видно изъ писемъ къ нему Курбскаго. Московскій изгнаникъ укорялъ Острожскаго за то, что Острожскій прислалъ къ нему сочиненіе Мотовила и дружился съ іезуитами. «О, государь мой превозлюбленный, — писалъ къ нему Курбскій, — зачѣмъ ты прислалъ ко мнѣ книгу, написанную непріятелемъ Христа, помощникомъ Антихриста и вѣрнымъ слугою его? Съ кѣмъ ты дружишься, съ кѣмъ сообщаешься, кого на помощь призываешь!.. Прими отъ меня, слуги своего вѣрнаго, совѣтъ съ крѣстостью: перестань дружиться съ этими супостатами, прелукавыми и злыми. Никто не можетъ быть другъ царя, если ведеть дружбу съ его непріятелями и держить, какъ за пазухою, змѣя; трикратно молю тебя, перестань такъ поступать, будь подобенъ праотцамъ твоимъ по ревности благочестія». Такимъ образомъ, этотъ русскій панъ поддавался вліянію и протестантства. Въ одномъ изъ своихъ писемъ кънуку, сыну дочери своей, Радзивиллу, онъ писалъ наставленіе, чтобы тотъ не ходилъ въ костелъ, но совѣтовалъ емуходить въ собраніе кальвинистовъ и называлъ ихъ послѣдователями истиннаго закона Христова. Увлеченіе протестантствомъ происходило у него, однако, оттого, что православный князь видѣлъ христіанскіе поступки протестантовъ. Острожскій съ уваженіемъ указывалъ на то, что у нихъ были школы и типографіи, что ихъ пасторы отличались благонравiemъ, и противопоставлялъ имъ упадокъ церковнаго благочинія въ русской церкви, невѣжество священниковъ, материальное своеоліе архипастырей, равнодушіе мірянъ къ дѣламъ вѣры. «Правила и уставы нашей церкви, — говорилъ онъ, — въ презрѣніи у иноземцевъ; наши единовѣрцы не только не могутъ постять за Божью церковь, но даже смѣются надъ нею; нѣть учителей, нѣть проповѣдниковъ Божьяго слова, повсюду гладь слышанія слова Божія, частое отступничество; приходилось сказать съ Пророкомъ: кто дастъ воду главѣ моей и источникъ слезъ очамъ моимъ!»

Такимъ настроениемъ знатнаго пана воспользовались нѣкоторые русскіе люди и побудили Острожскаго сдѣлаться до нѣкоторой степени двигателемъ умственно-религіознаго возрожденія въ

польской Руси. Въроятно, убѣжденія и упреки Курбскаго много по-дѣйствовали такому настроенію. Острожскій уважалъ Курбскаго. Острожскій посыпалъ ему на просмотръ разныя сочиненія и, между прочимъ, замѣчательную книгу іезуита Скарги «О Единой Церкви», писанную нарочно съ цѣлью подготовки уніи. Курбскій возвратилъ Острожскому эту книгу съ такими же упреками, какъ и сочиненіе Мотовила; съ своей стороны Курбскій послалъ переведенную имъ съ латинскаго языка «Бесѣду Иоанна Златоуста о Вѣрѣ, Надеждѣ и Любви», и сердился на князя Острожскаго, когда послѣдній сообщилъ переводъ Курбскаго какому-то поляку, котораго Курбскій называлъ «неученымъ варваромъ, воображавшимъ себя мудрецомъ». Московскій изгнаникъ, видя въ своемъ новомъ отечествѣ усилившееся вліяніе іезуитовъ, старался всѣми силами противодѣйствовать имъ, какъ равно и господству польскаго языка. Когда Острожскій, которому понравилось писаніе Курбскаго, совѣтовалъ, для большаго распространенія, перевести его на польскій языкъ, то Курбскій отвергъ это предложеніе: «Если бы и не мало ученыхъ сошлось,— писалъ онъ,— то не въ силахъ они буквально переложить грамматическія тонкости славянскаго языка на ихъ «польскую барбарію». Не только съ рѣчью славянскою или греческою, и съ любимою ими латинскою они не сладятъ». Тогда между русскими панами вошло въ обычай, ради просвѣщенія, повѣрять воспитаніе дѣтей іезуитамъ. Курбскій съ похвалою отзывался вообще о желаніи учить дѣтей наукамъ, но не видѣлъ никакого проку отъ іезуитовъ. «Уже многіе изъ родителей (писалъ онъ княгинѣ Чертопорижской) родовъ княжескихъ, шляхетскихъ и честныхъ гражданъ отдали дѣтей своихъ учиться наукамъ, но іезуиты ничему ихъ не научили, а только, пользуясь ихъ молодостью, отвратили отъ правонѣрія». Судя по письмамъ Курбскаго къ разнымъ лицамъ можно навѣрное полагать, что этотъ московскій бѣглецъ имѣлъ сильное вліяніе на дѣятельность князя Острожскаго въ области охраненія вѣры и возрожденія книжной образованности, такъ какъ онъ съ Острожскимъ находился постоянно въ близкихъ сношеніяхъ.

Зародыши умственного и религіознаго движенія въ польско-литовской Руси появились въ началѣ XVI вѣка. Полочанинъ Скорина перевѣлъ на русскій языкъ біблію и напечаталъ ее въ чешской Прагѣ, за отсутствіемъ типографіи на Руси. Въ половинѣ XVI вѣка распространившееся въ Литвѣ протестантство способствовало литературному пробужденію русской рѣчи. Въ 1562 году въ Несвижѣ была типографія, и знаменитый въ свое время Симонъ Будный, человѣкъ большой учености, напечаталъ протестантскій катехизисъ на русскомъ языкѣ¹⁾. Немного позже, гетманъ літтовскій Григорій Александровичъ Ходкѣвичъ основалъ въ своемъ имѣніи Заблудовѣ типографію; туда прибыли къ нему ушедшіе изъ Москвы типографщики Иванъ Федоровъ и Петръ Мстиславецъ: они напечатали тамъ, въ 1569 году, толковое Евангеліе, большой фоліантъ. Это былъ трудъ знаменитаго Максима Грека, перепечатанъ впослѣдствіи въ томъ же

¹⁾ Впослѣдствіи этотъ Будный перешелъ въ аріанство, написалъ аріанскій катехизисъ и издалъ на польскомъ языкѣ переводъ бібліи.

видѣ въ Москвѣ. Но типографія Ходкѣвича была, какъ видно, только временная панская прихоть. По смерти Григорія Ходкѣвича наслѣдники не поддержали заведенія. Типографщикъ Иванъ Федоровъ перешель во Львовъ, а потомъ въ Острогъ, и здѣсь-то основана была типографія, положившая болѣе твердое основаніе литературному и книгопечатному дѣлу въ Южной Руси. Въ 1580 году была напечатана, въ первый разъ, словянская Біблія по приказанію Острожскаго. Въ предисловіи Бібліи говорилось, отъ лица князя Константина Константиновича Острожскаго, что онъ побужденъ былъ къ этому дѣлу печальнымъ положеніемъ церкви, отовсюду попираемой врагами и терзаемой безъ милосердія нещадными волками, и никто не въ силахъ противостоять имъ по недостатку духовнаго оружія— слова Божія. Во всѣхъ странахъ словянскаго рода и языка Острожскій не могъ найти ни одного правильнаго списка Ветхаго Завѣта и получилъ его наконецъ только изъ Москвы, черезъ посредство Михаила Гарабурды. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Острожскій сносился съ Римомъ, съ островами греческаго архипелага (съ Кандійскими), съ константинопольскимъ патріархомъ Іереміею, греческими, болгарскими и сербскими монастырями, съ цѣлью добыть оттуда списки св. писанія, какъ эллинскіе, такъ и словянскіе и желаль руководствоваться совѣтомъ людей, свѣдущихъ въ писаніи. Изданная Острожскимъ первая печатная Біблія составляетъ эпоху въ русской литературѣ и вообще въ исторіи русской образованности. За Бібліею послѣдовалъ цѣлый рядъ изданій, какъ богослужебныхъ книгъ, такъ и разныхъ сочиненій религіознаго содержанія. Между ними важное мѣсто занимаетъ книга: «О единой истинной и православной вѣрѣ и святой апостольской церкви», написанная священникомъ Василіемъ и напечатанная въ 1588 году; книга эта служила опроверженіемъ сочиненія Скарги, вышедшаго на польскомъ языке почти подъ тѣмъ же названіемъ, и имѣла цѣлью защитить восточную церковь противъ упрековъ, дѣлаемыхъ сторонниками латинской церкви. Здѣсь разсматриваются вопросы, составлявшіе сущность различія церквей: объ исхожденіи св. Духа, о власти папы, объ опреѣснокахъ, о безбрачіи духовныхъ, о субботнемъ постѣ. Книга эта имѣла въ свое время важное значеніе, потому что она закомила съ сущностью тѣхъ вопросовъ, которые должны были сдѣлаться предметомъ живыхъ состязаній; православные читатели могутъ поучиться изъ этой книги: что и какъ выражать имъ слѣдуетъ противъ убѣждений западнаго духовенства, которое тогда пустило въ ходъ свою пропаганду въ русскомъ народѣ. Въ острожской типографіи напечатано также нѣсколько книгъ религіознаго содержанія: «Листы патріарха Іереміи» и «Діалогъ патріарха Геннадія» (въ 1583), «Исповѣданіе о исхожденіи св. Духа» (1588). Въ 1594 издана большимъ фоліантомъ книга Василія Великаго «О постничествѣ», а въ 1596 «Маргаритъ» Іоанна Златоустаго. Въ одно время съ типографіей, въ 1580 году, Острожскій основалъ у себя въ Острогѣ главную школу и, кроме того нѣсколько школъ въ своихъ владѣніяхъ. Ректоромъ главной острожской школы, родонаачальницы высшихъ учебныхъ заведеній въ Русской землѣ, былъ ученый грекъ Кирилль Лукарисъ, впослѣдствіи получившій санъ константинопольскаго патріарха. Кромѣ

Острога, князь Острожскій завелъ типографію въ Дерманскомъ монастырѣ.

Въ то же время другимъ важнымъ двигателемъ пробужденія умственной жизни на Руси было заведеніе братствъ, товариществъ съ нравственно-религіозными цѣлями, куда входили безъ различія люди всякихъ сословій, но непремѣнно принадлежавшіе къ единой церкви. Такія братства стали возникать изъ подражанія западнымъ. Первое изъ этихъ братствъ въ польской Руси, получившее историческое значеніе, было львовское, основанное по благословенію антіохійского патріарха Іоакима, посѣщавшаго русскій край въ 1586 г. Главныя цѣли его были воспитаніе сиротъ, призрѣніе убогихъ, пособіе потерпѣвшимъ разныя несчастія, выкупъ плѣнныхъ, погребеніе и поминовеніе умершихъ, помощь во время общественныхъ бѣдствій,—вообще, дѣла благотворенія. Члены имѣли свои опредѣленные сходки и вносили каждый по шести грошей въ общую кружку. Тогда при братствѣ заведена была мѣщанами школа, типографія и больница. Въ школѣ преподавалась, кромѣ священнаго писанія, славянская грамматика вмѣстѣ съ греческою, и для этой цѣли составлена была и напечатана эллино-славянская грамматика, въ которой сравнительно излагались правила обоихъ языковъ. Частное обученіе было стѣснено: каждый могъ обучать только своихъ дѣтей и домашнихъ. По образцу львовскаго братства заведено было въ Вильнѣ троицкое братство, а потомъ стали основываться братства въ другихъ городахъ. Изъ нихъ львовскому было предоставлено старѣшинство. Уже одно то, что люди всѣхъ сословій сходились между собой во имя отеческой вѣры, улучшенія нравственности и расширенія круга понятій, дѣйствовало на поднятіе народнаго духа. Патріархъ Іоакимъ, учреждая львовское братство, поручилъ ему надзоръ надъ исполненіемъ духовными ихъ обязанностей, равно какъ надъ благочестіемъ и добропровіемъ какъ духовенства, такъ и мірянъ; такимъ образомъ духовенство стало зависимымъ отъ общественного суда свѣтскихъ людей: это было совершенно противоположно воззрѣніямъ западнаго духовенства, которое всегда ревниво хлопотало о томъ, чтобы люди, не принадлежащіе къ духовному званію повиновались слѣпо наставленіямъ духовныхъ и отнюдь не смѣли разсуждать о дѣлахъ вѣры иначе, какъ подъ руководствомъ духовныхъ и не дерзали осуждать ихъ поступковъ. Но и русскимъ высшимъ духовнымъ сановникамъ пришлось не по сердцу основаніе братствъ. Львовскій владыка Гедеонъ тотчасъ вошелъ въ непріязненные отношенія къ львовскому братству.

Строй православной церкви въ Руси, подвластной Польшѣ, былъ въ печальномъ положеніи. Высшіе духовные сановники, происходя изъ знатныхъ родовъ, вмѣсто того, чтобы, сообразно православнымъ обычаямъ, проходить лѣстницу монашескихъ чиновъ, получали свои мѣста прямо изъ свѣтскаго званія и притомъ не по испытанію, а по связямъ, благодаря покровительству сильныхъ или посредствомъ подкупа, расположивъ къ себѣ королевскихъ придворныхъ. Архіереи и архимандриты управляли церковными имѣніями со всѣми привилегіями суда и произвѣла свѣтскихъ пановъ своего времени, держали у себя вооруженные отряды, по обычаю

свѣтскихъ владѣтелей, въ случаѣ ссоръ съ сосѣдями позволяли себѣ буйные наѣзды, и въ домашнемъ своемъ быту вели образъ жизни, совсѣмъ неподобающій ихъ сану. Были примѣры, что знатные паны испрашивали для себя у короля епископскія и настоятельскія мѣста, и, оставаясь непосвященными, пользовались церковнымъ хлѣбомъ, какъ тогда выражались. Одинъ современникъ замѣчаетъ: «правила св. отецъ не дозволяютъ посвящать въ священники моложе тридцати лѣтъ отъ роду, а у насъ допускаютъ иногда пятнадцатилѣтняго. Онъ по складамъ читать не умѣеть, а его посылаютъ проповѣдывать слово Божіе; онъ своимъ домомъ не управлялъ, а ему церковный порядокъ поручаютъ». У владыкъ, архимандритовъ, игуменовъ были братья, племянники, дѣти, которымъ раздавали въ управлѣніе церковныя имущества. Роскошная жизнь высшихъ сановниковъ повела къ утѣсненію подданныхъ въ церковныхъ имѣніяхъ. «Вы (обличалъ русскихъ архіереевъ авонскій монахъ) отнимаете у бѣдныхъ поселянъ воловъ и лошадей, выдираете у нихъ денежныя дани, мучите, томите работою, кровь изъ нихъ сосете». Низшее духовенство находилось въ крайнемъ унижениі. Бѣдные монастыри обращаемы были въ хутора, владыки устраивали въ нихъ псарни для своей охоты и монахамъ приказывали содержать собакъ. Приходскіе священники терпѣли и отъ владыкъ, и отъ свѣтскихъ людей. Владыки обращались съ ними грубо, надменно, обременяли налогами въ свою пользу, наказывали тюремнымъ заключеніемъ и побоями. Свѣтскій владѣлецъ села назначалъ въ немъ такого священника, какого было ему угодно, и этотъ священникъ ничѣмъ не разнился отъ хлопа по отношенію къ владѣльцу; господинъ посыпалъ его съ подводою, гонялъ на свою работу, бралъ въ услугеніе его дѣтей. Русскій священникъ,—замѣчаетъ современникъ,—по своему воспитанію былъ совершенный мужикъ; не умѣть держать себя прилично; не о чёмъ было поговорить съ нимъ. Званіе пресвитера дошло до такого презрѣнія, что честный человѣкъ стыдился вступать въ него, и трудно было сказать: гдѣ чаще бывалъ священникъ, въ церкви или въ корчмѣ. Не рѣдко богослуженіе отправлялось имъ въ пьяномъ видѣ съ соблазнительными выходками, и обыкновенно священникъ, совершая богослуженіе, не понималъ вовсе того, что читаль, да и понимать не пытался. При такомъ состояніи духовенства понятно, что простой народъ жилъ своею древнею языческою жизнью, сохраняя языческія воззрѣнія и яѣрованія, отправлялъ по прадѣдовскимъ обычаямъ языческія празднества и не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о сущности христіанства, а высшій классъ начинай стыдится своей принадлежности къ православной религії; католики всѣми силами поддерживали этотъ ложный стыдъ. Іезуитъ Скарга, любимецъ короля Сигизмунда III, глумился даже надъ богослужебнымъ языкомъ русской церкви въ такихъ выраженіяхъ: «Что это за языкъ? На немъ нигдѣ не преподаютъ ни философіи, ни богословія, ни логики; на немъ даже грамматики и риторики быть не можетъ! Сами русскіе попы не въ силахъ объяснить, что такое они въ церкви читаютъ, и бываютъ принуждены спрашивать у другихъ объясненія по-польски. Отъ этого языка—одно невѣжество и заблужденіе».

При тогдашихъ условіяхъ, поднять падающую церковь и народное благочестіе только и можно было, образовавши средоточіе возрожденія не въ духовенствѣ, а внѣ его, въ мірскомъ быту. Братства и должны были сдѣлаться главнымъ орудіемъ этого возрожденія. Патріархъ Іеремія, проѣзжая чрезъ Южную Русь въ 1589 году, утвердилъ права львовскаго братства и даже расширилъ ихъ: освободилъ братство отъ зависимости отъ мѣстнаго владыки и отъ всякой другой свѣтской и духовной власти, не дозволяль въ Львовѣ быть иному православному училищу, кромѣ братскаго, оставилъ за нимъ надзоръ надъ судомъ епископскимъ и, по жалобѣ братства, наложилъ запрещеніе на львовскаго епископа Гедеона Балабана. Балабанъ обратился къ львовскому римско-католическому епископу и первый изъ тогдашихъ русскихъ епископовъ заявилъ желаніе подчиниться папѣ.

Во время пребыванія своего въ Южной Руси, патріархъ Іеремія низложилъ кіевскаго митрополита Онисифора Дѣвочку, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ былъ прежде двоеженецъ, и вмѣсто него посвятилъ Михаила Рагозу, уже, какъ видно, подстроеннаго іезуитами. Патріархъ ошибся въ этомъ человѣкѣ. Но еще болѣе ошибся онъ тѣмъ, что, не давши полной власти митрополиту, назначилъ экзархомъ своимъ (намѣстникомъ) луцкаго епископа Кирилла Терлецкаго, человѣка безнравственнаго и даже обвинявшагося въ самыхъ гнусныхъ злодѣніяхъ, какъ, напр., въ грабежахъ, изнасилованіяхъ и убийствахъ.

Русское духовенство было сильно недовольно патріархомъ за то, что онъ далъ братствамъ такую власть и поставилъ духовныхъ подъ надзоръ мірянъ; кромѣ того, на него жаловались и за разные поборы съ русскаго духовенства: подчиняясь турецкой власти, патріархи и вообще греческіе святители находились въ такомъ положеніи, что нуждались въ подаяніи, собираемомъ въ православныхъ земляхъ. «Мы у нихъ такія овцы, — говорили русскіе духовные, — которыхъ они только доять и стригутъ, а не кормятъ».

На другой годъ послѣ отѣзда Іереміи, митрополитъ собралъ въ Брестѣ синодъ изъ православныхъ архіереевъ. Всѣ начали жаловаться на тягость зависимости отъ патріарха и роптали на братства, въ особенности на львовское, которое, по грамотѣ патріарха Іереміи 1593 года, находилось подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ патріарха. «Какъ! — говорили архіереи, — какой-нибудь сходокъ пекарей, торгашей, сѣдельниковъ, кожевниковъ, неучамъ, ничего несмыслищимъ въ богословскихъ дѣлахъ — даютъ право пересуживать судъ установленныхъ церковью властей и составлять приговоры о дѣлахъ, касающихся церкви Божіей!» Всѣ пришли къ тому, что лучше всего подчиниться, вмѣсто константинопольскаго патріарха, римскому папѣ.

Въ 1593 году, на мѣсто скончавшагося владимірскаго епископа, былъ поставленъ Адамъ Потій, бывшій до того времени свѣтскимъ паномъ и носившій титулъ брестскаго каштеляна. Онъ былъ уже совращенъ изъ православія въ католичество, потомъ притворно обратился въ православіе съ намѣреніемъ посвятить себя дѣлу унії. Онъ былъ человѣкъ безукоризненной нравственности, казался благо-

честивымъ и самъ завель братство въ Брестѣ. Острожскій уважалъ его, притомъ же Потій бытъ въ свойствѣ съ Острожскимъ. Король, давши ему мѣсто епископа, имѣлъ въ виду именно то, что Потій можетъ уломать могучаго русскаго вельможу.

Потій вступилъ съ Острожскимъ въ переписку, и, не заводя самъ рѣчи объ уніи, повель дѣло такъ, что князь Константина Острожскаго первый заговорилъ о ней. Перебирая всякія средства къ исправленію церковнаго порядка, Острожскій остановился на соединеніи восточной церкви съ западною. Но Острожскій хотѣлъ совсѣмъ не такой уніи, о какой помышляла римская пропаганда. Острожскій признавалъ православную церковь вселенскую, а не національную; Острожскій считалъ правильнымъ соединеніе церквей только въ такомъ случаѣ, когда приступятъ къ нему и въ другихъ православныхъ странахъ, и потому предлагалъ владимирскому епископу отправиться въ Москву, а львовскаго—послать къ волохамъ для совѣщанія по вопросу о соединеніи церквей. Въ видахъ Острожскаго, цѣлью предлагаемаго соединенія было—основаніе школъ, образованіе проповѣдниковъ и вообще распространеніе религіознаго просвѣщенія. Острожскій не могъ утаить передъ Потіемъ своей давней наклонности къ протестантизму; Острожскій замѣчалъ, между прочимъ, что слѣдуетъ измѣнить многое въ церковныхъ обрядахъ, таинствахъ, въ церковномъ управлениі, отдать, какъ онъ выражался, человѣческіе вымыслы. Потій отвѣчалъ на это Острожскому: «восточная церковь совершає свои таинства и обряды правильно; ни осуждать, ни охудшать нечего; въ Москву же я не поѣду; съ такимъ порученіемъ тамъ подъ кнутъ попадешь. Лучше вы, какъ первый человѣкъ нашей вѣры, обратитесь къ своему королю».

Не успѣвши склонить Острожскаго, владыки нѣсколько разъ съѣзжались толковать, и въ 1595 году составили предложеніе къ папѣ объ уніи и избрали по этому дѣлу послами въ Римъ Потія и луцкаго епископа Кирилла Терлешкаго. Потій извѣстилъ объ этомъ Острожскаго и напоминаль, что Острожскій самъ же первый и поднялъ рѣчу объ уніи.

Острожскій разсердился, писаль къ Потію, что владимирскій епископъ измѣнникъ и недостоинъ своего сана, а 24-го іюня написаль и разослать (вѣроятно, печатное) посланіе ко всѣмъ православнымъ обывателямъ Польши и Литвы, восхваляя греческую вѣру, какъ единственную въ мірѣ истинную, извѣщалъ, что главнѣйшіе начальники истинной вѣры нашей, мнимые пастыри: митрополитъ и епископы обратились въ волковъ, отступили отъ восточной церкви, «приложились къ западнымъ» и умыслили отторгнуть отъ вѣры всѣхъ благочестивыхъ «здѣшней области» и вринуть въ погибель. «Многие,—выражался Острожскій,—изъ обывателей здѣшней области государства его величества моего короля, послушные святой восточной церкви, меня считаютъ начальными человѣкомъ въ православіи, хотя я самъ считаю себя не болѣшимъ, но равнымъ другимъ по правовѣрью; по этой-то причинѣ, опасаясь, чтобы не оказаться виновнымъ передъ Богомъ и вами, я извѣщаю васъ о томъ, о чёмъ навѣрное узналъ; желаю вмѣстѣ съ вами за-одно стоять противъ

супостатовъ, чтобы, съ Божію помощію и при вашемъ старанії, тѣ, которые приготовили на насъ сѣти, сами въ эти сѣти попались. Чѣдъ можетъ быть постыднѣе и беззаконнѣе, если шесть или семь злодѣевъ отверглись своихъ пастырей, отъ которыхъ они поставлены, считаютъ насъ за бессловесныхъ скотовъ, дерзаютъ самовольно отрывать насъ отъ истины и вводить насъ въ пагубу съ собою?»

Острожскій просилъ короля открыть соборъ, на которомъ присутствовали бы не одни духовные, но и свѣтскіе. Король, заботясь объ успѣхѣ уніи, писалъ Острожскому убѣдительное письмо, склоняя его пристать къ уніи и болѣе всего указывая на то, что греческая церковь находится подъ властью такого патріарха, который получаетъ свой санъ по волѣ невѣрныхъ мугамеданъ. Сообразно господствующему римско-католическому взгляду, что дѣла духовныя должны быть достояніемъ однихъ духовныхъ, Сигизмундъ не хотѣлъ допустить съѣзда свѣтскихъ особъ по дѣламъ вѣры, а этого не только хотѣлъ Острожскій, но и сами епископы, поддѣливаясь къ Острожскому, заявляли просьбу королю о томъ же. Король писалъ: «такой съѣздъ только будетъ затруднять дѣло; заботиться о нашемъ спасеніи есть обязанность нашихъ пастырей, а мы должны, не допрашиваясь, поступать такъ, какъ они велятъ, потому что Духъ Господень даровалъ намъ ихъ вождями въ жизни». Но такого рода убѣжденія только раздражили Острожскаго, такъ какъ все это оскорбляло, между прочимъ, его панское самолюбіе, внушавшее ему стремленіе быть первымъ между своими единовѣрцами.

Добиваясь отъ короля дозвolenія на съѣздъ или соборъ свѣтскихъ людей по дѣламъ вѣры, Острожскій съ однимъ изъ своихъ придворныхъ отправилъ въ Торунь къ протестантскому собору приглашеніе къ совмѣстному противодѣйствію папизму. Православный князь писалъ въ такихъ выраженіяхъ: «Всѣ, признающіе Отца, Сына и Св. Духа, люди одной вѣры. Если бы у людей было болѣе терпимости другъ къ другу, если бы люди съ уваженіемъ смотрѣли, какъ ихъ собратія славить Бога, каждый по своей совѣсти, то меныше было бы сектъ и толковъ на свѣтѣ. Мы должны сойтись со всѣми, кто только отдаляется отъ латинской вѣры и сочувствуєтъ нашей судьбѣ: всѣ христіанскія исповѣданія должны защищаться противъ «папежниковъ». Его королевское величество не захочетъ допустить нападенія на насъ, потому что у насъ самихъ можетъ явиться двадцать, по менышей мѣрѣ пятнадцать тысячи вооруженныхъ людей, а гг. папежники могутъ превзойти насъ развѣ числомъ тѣхъ кухарокъ, которыхъ ксендзы держать у себя вмѣсто женъ».

Королю сдѣлалось извѣстнымъ это посланіе, и онъ приказалъ написать Острожскому выговоръ за неуважительные отзывы о той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ король, а особенно за намекъ на кухарокъ.

Угрозы насчетъ возможности явиться тысячамъ вооруженныхъ людей имѣли важный смыслъ. Въ Польшѣ господствовалъ духъ своеволія. Законы дѣйствовали слабо, и вмѣсто того, чтобы прѣбывать къ ихъ защитѣ, люди, чувствовавши за собою силу, сами расправлялись со своими соперниками. Знатные паны держали у себя

вооруженные отряды изъ шляхты: наезды на имѣнія и дворы были обычнымъ дѣломъ. Паны самовольно вмѣшивались даже въ дѣла соѣднихъ государствъ. Удалыцы всякаго рода составляли шайки, такъ называемыя «своевольные купы», и производили разныя безчинства. Въ Южной Руси годъ отъ году усиливалось козачество, особенно развившееся послѣ удачныхъ походовъ на Крымъ и на Молдавію. Оно пополнялось русскими людьми изъ имѣній наслѣдственныхъ панскихъ и коронныхъ (отдаваемыхъ панамъ въ видѣ староствъ), и черезъ такой наплывъ бѣглецовъ, уходившихъ въ козаки въ противность волѣ пановъ, пріобрѣтало враждебное настроеніе къ панамъ и шляхетству вообще. Кромѣ козаковъ, признаваемыхъ въ этомъ званіи и состоявшихъ подъ начальствомъ старшаго или гетмана, составлялись шайки изъ простонародія, называвшія себя козаками, подъ начальствомъ особыхъ предводителей; такія шайки, при удобномъ случаѣ, легко примыкали къ настоящимъ козакамъ готовы были за-одно съ ними дѣйствовать въ ущербъ владѣльцамъ. Въ 1593 году козацкій гетманъ Криштофъ (Христофоръ) Косинскій поднялъ восстаніе. Козаки нападали на владѣльческіе дворы, разоряли ихъ, уничтожали шляхетскіе документы. Косинскій овладѣлъ украинскими городами и самымъ Кіевомъ, благодаря нерадѣнію Острожскаго, бывшаго кіевскимъ воеводою: его какъ мы сказали, давно уже, но безуспѣшно, упрекали короли въ томъ, что кіевскій замокъ остается въ небреженіи. Косинскій вторгся въ имѣнія Острожскаго и требовалъ отъ шляхты и отъ народа присяги себѣ: у Косинскаго явно выражалось намѣреніе отторгнуть Русь отъ Польши, разрушить въ ней аристократическій порядокъ и ввести козацкое устройство, при которомъ не было бы различія сословій, всѣ были бы равны и владѣли съ одинаковымъ правомъ землею. Опасность угрожала Польшѣ политическимъ и соціальнымъ переворотомъ. Король взывалъ къ шляхтѣ южно-русскихъ воеводъ брацлавскаго, кіевскаго и волынскаго, чтобы всѣ люди шляхетскаго званія ополчались противъ врага, который требуетъ себѣ присяги и попираетъ права короля и государства. Острожскій собралъ всю находившуюся въ его обширныхъ имѣніяхъ шляхту, поручилъ ее начальству сына свѣтого Януша и двинулъ на мятежника. Косинскій потерпѣлъ неудачу, обязался отречься отъ начальства надъ козаками, а освободившись отъ бѣды, снова затѣвалъ восстаніе, но былъ убитъ подъ Черкасами. Преемникомъ ему въ достоинствѣ гетмана былъ избранъ Григорій Лобода. Тогда, кромѣ козаковъ, состоявшихъ подъ начальствомъ гетмана Лободы, явилось другое козацкое ополченіе, своеальное, подъ начальствомъ Северина Наливайка, котораго братъ Даміанъ былъ священникомъ въ Острогѣ. Наливайко питалъ закоренѣлую ненависть къ панству, вслѣдствіе того, что панъ Калиновскій въ мѣстечкѣ Гусятинѣ отнялъ у Наливайкова отца хуторъ и самого хозяина такъ отколотилъ, что тотъ умеръ отъ побоевъ. Наливайко задумалъ продолжать дѣло Косинскаго въ такое время, когда епископы собирались подчинить русскую церковь папѣ, и когда Острожскій въ своемъ посланіи убѣждалъ всѣхъ православныхъ обывателей королевства Польскаго противостоять кознямъ епископовъ. Наливайко началъ съ Волыни, и его восстаніе на этотъ разъ получило

нѣсколько религіозный отг҃енокъ. Онъ нападалъ на имѣнія епископовъ и мірянъ, благопріятствовавшихъ унії, взялъ Луцкъ, гдѣ злоба козаковъ обратилась на сторонниковъ и слугъ епископа Терлецкаго, повернуль въ Бѣлую Русь, овладѣль Слуцкомъ, гдѣ запасся оружіемъ, взялъ Могилевъ, который былъ тогда сожженъ самими жителями, захватилъ въ Пинскѣ ризницу Терлецкаго и досталь важные пергаментные документы съ подписями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, соглашавшихся на унію; Наливайко ограбилъ имѣнія брата епископа Терлецкаго, отмщая на немъ поѣздку епископа въ Римъ. Нѣкоторые православные паны мирволили Наливайку изъ ненависти къ возникавшей уніи. Падало подозрѣніе на самого князя Острожскаго, такъ какъ у него въ имѣніи жиль братъ Наливайки, и у этого брата, священника Даміана, оказывались лошади, принадлежавшія пану Семашку, ограбленному Наливайкомъ. Самъ Острожскій въ своихъ письмахъ къ своему зятю Радзивиллу писалъ: «Говорятъ, будто я Наливайка высылалъ... Ужъ если кому, то мнѣ болѣе всего допекли эти разбойники. Поручаю себя Господу Богу! Надѣюсь, что Онъ, спасающій невинныхъ, и меня не забудетъ». Нѣть основанія полагать, чтобы въ самомъ дѣлѣ Острожскій покровительствовалъ этому возстанію, тѣмъ болѣе, что, передъ самымъ появлениемъ Наливайка въ Волынской землѣ, Острожскій предостерегаль пановъ насчетъ своевольниковъ, жаловался, что они разоряютъ имѣнія, давалъ совѣты Рѣчи Посполитой принимать скорѣе дѣятельныя мѣры и гасить пожаръ прежде, чѣмъ онъ успѣеть распространиться.

Зимою 1595—1596 г. Наливайко соединился съ козацкимъ гетманомъ Лободою, и возстаніе начало принимать угрожающей размѣръ. Король выслалъ противъ козаковъ гетмана Жолкѣвскаго. Война съ ними упорно продолжалась до конца мая 1596 года; козаки, тѣснимые польскими войсками, перешли на лѣвый берегъ Днѣпра и были осаждены близъ Лубенъ: между ними поднялись раздоры; Наливайко низвергнулъ съ гетманства Лободу, умертвилъ его, самъ сдѣлался гетманомъ и былъ въ свою очередь низвергнутъ, выданъ полякамъ и казненъ смертю въ Варшавѣ.

Когда такимъ образомъ поляки занимались укрощеніемъ возстанія русскихъ, принимавшаго отчасти характеръ борьбы противъ унії, въ Римѣ посланники отъ русского духовенства, владимірский и луцкій епископы, были приняты съ подобающей честью, удостоились поцѣловать папскую ногу и 2-го декабря 1595 г., отъ лица русского духовенства, прочитали исповѣданіе вѣры по римско-католическому ученію. Въ началѣ 1596 года они возвратились на родину. Здѣсь ожидало ихъ противодѣйствіе отъ братствъ и отъ Острожскаго. Въ виленскомъ братствѣ напечатана была «Книга Кирила обѣ Антихристѣ», сочиненная Стефаномъ Зизаніемъ. Книга была направлена противъ папизма; въ ней доказывалось ни болѣе ни менѣе, какъ то, что папа есть тотъ антихристъ, о которомъ издавна сохранялось предреченіе, а время унії есть время антихриста царства. Книга эта съ жадностью читалась духовенствомъ и грамотными мірянами. Король, услышавши обѣ ея успѣхѣ, былъ очень разгнѣванъ, приказалъ запретить книгу, схватить и заключить

чить въ тюрьму ея автора и его двухъ сообщниковъ. Львовское братство, съ своей стороны, противодѣйствуя затѣмъ унії, такъ напугало своего епископа, что Гедеонъ рѣшился отступить отъ унії и подаль въ судъ протестацію, въ которой увѣрялъ, что если и подписывалъ наравнѣ съ другими архіереями согласіе на унію, то не зналъ самъ, въ чёмъ дѣло: онъ подписывалъ бѣлу бумагу, а на этой бумагѣ, уже послѣ его подписи, написано было то, чего ему и не хотѣлось.

Острожскій извѣстій восточныхъ патріарховъ; по просьбѣ его назначены были протосинклеллы (намѣстники): отъ константино-польского патріарха — Никифоръ, отъ александрийскаго — Кириллъ. Король оповѣстилъ, чтобы русскіе епископы собрались на соборъ въ Брестѣ къ 6 октября 1596 года для окончательного утвержденія унії.

Къ назначенному королемъ времени Острожскій подготовилъ и свой соборъ въ Брестѣ же¹). Соборъ этотъ состоялъ изъ двухъ патріаршихъ протосинклелловъ, двухъ восточныхъ архимандритовъ, двухъ русскихъ епископовъ, Гедеона львовскаго и Михаила Копытенскаго, сербскаго митрополита Луки, нѣсколькихъ русскихъ архимандритовъ, протопоповъ и двухсотъ особъ шляхетскаго званія, которыхъ пригласиль съ собою Острожскій.

Протосинклель Никифоръ предсѣдательствовалъ на этомъ православномъ соборѣ. Сообразно древнимъ обычаямъ церковнаго суда, онъ послалъ къ кіевскому митрополиту троекратный вызовъ къ собору для оправданія, но митрополитъ не явился и объявилъ, что онъ съ епископами подчинился западной церкви; тогда православный соборъ лишилъ сана какъ митрополита, такъ и епископъ: владимірскаго, луцкаго, полоцкаго (Германа), холмскаго (Діонісія) и пинскаго (Іону).

Съ своей стороны, принявшіе унію духовные отплатили не-принявшимъ ее тѣмъ же самымъ: они лишили сана епископовъ львовскаго и перемышльскаго, архимандрита печерскаго Никифора Тура и всѣхъ русскихъ духовныхъ, бывшихъ на православномъ соборѣ. Приговоръ каждому изъ нихъ былъ посланъ въ такой формѣ: «кто тебя, отъ насть проклятаго, будетъ считать въ прежнемъ санѣ, тотъ самъ будетъ проклятъ отъ Отца и Сына и Святаго Духа!».

Обѣ стороны обратились къ королю. Православные ссылались на существовавшія постановленія, просили не считать низложенныхъ духовныхъ въ ихъ прежнемъ санѣ, отнять у нихъ церковныя имѣнія и отдать тѣмъ лицамъ, которыя, вмѣсто нихъ, будутъ избраны. Король взялъ сторону уніатовъ и приказалъ арестовать Никифора, на которого принявшіе унію особенно злились. Острожскій взялъ его на поруки. Дѣло о немъ отложили до 1597 года.

Въ этомъ году, по требованію короля, Острожскій самъ привезъ Никифора и предалъ суду сената. Никифора старались обви-

¹) Брестскій соборъ подробно описанъ въ книгѣ «Экзезисъ», изданной православными на польскомъ языке въ 1597 году. Книга эта была и на русскомъ языке, но въ этомъ видѣ почти исчезла.

нить и въ шпіонствѣ со стороны турокъ, и въ чернокнижествѣ, и въ дурномъ поведеніи. Самъ гетманъ Замойскій обвинялъ его. Обвинить Никифора было невозможно, да поляки и не имѣли права судить его, какъ иноземца. Тогда Константина Острожскаго проговорилъ королю рѣзкую рѣчъ: «Ваше величество,—сказалъ онъ,—нарушаете права наши, попираете свободу нашу, насилиуете совѣсть. Будучи сенаторомъ, я не только самъ терплю оскорблѣнія, но вижу, что все это ведеть къ погибели королевства Польскаго: послѣ этого, ничьи права, ничья свобода не ограждены; скоро наступятъ беспорядки; быть можетъ, тогда додумаются до чего-нибудь иного! Предки наши, принося присягу на вѣрность своему государю, и отъ него также принимали присягу въ соблюденіи правосудія, милости и защиты. Между ними была обьюдная присяга. Опомнитесь, ваше величество! Я уже въ преклонныхъ лѣтахъ и надѣюсь скоро покинуть этотъ міръ, а вы оскорбляете меня, отнимаете то, что для меня всего дороже—православную вѣру! Опомнитесь, ваше величество! Поручаю вамъ этого духовнаго сановника; Богъ взыщетъ на васъ кровью его, а мнѣ дай Богъ не видать болѣе такого нарушенія правъ; напротивъ, пусть Богъ сподобитъ меня на старости лѣтъ услышать о добромъ здравіи его и о лучшемъ сохраненіи вашего государства и нашихъ правъ!»

Проговоривши эту рѣчъ, Острожскій вышелъ изъ сената. Король послалъ зятя Острожскаго, Криштофа Радзивилла, воротить взволнованнаго старика. «Король,—сказалъ Радзивиль,—сожалѣть о нашемъ огорченіи; Никифоръ будетъ свободенъ». Разсерженный Острожскій не хотѣлъ вернуться и сказалъ: «нехай же себѣ и Никифора зѣсть». Князь ушелъ, оставивши бѣднаго протосинкелла Никифора на произволъ короля. Никифора заслали въ Маріенбургъ, гдѣ онъ и умеръ въ заточеніи.

Въ 1599 году, Острожскій, съ прочими панами и шляхетствомъ русской вѣры, устроилъ конфедерацию съ протестантами для взаимной защиты противъ католического насилия. Но эта конфедерация не имѣла важныхъ послѣдствій.

Гораздо важнѣе было по своимъ послѣдствіямъ движение литературное, усилившееся послѣ унії. Въ острожской типографіи напечатана была (въ 1598) «Отпись на листъ отца Ипатія» (Потія) и «Листы», т.-е. посланія: изъ нихъ восемь—Мелетія, патріарха Дмитрійскаго, въ которыхъ излагалась сущность православія и народъ православный побуждался къ защитѣ своей религіи. Одно изъ этихъ посланій (третье) касается вопроса объ измѣненіи календаря, вопроса, тогда очень занимавшаго умы. Православнымъ пастырямъ не нравилось это измѣненіе именно потому, что оно было нововведеніемъ,—«новость суетныхъ мужей непостоянныхъ душъ, яко же сырость прираженіемъ вѣтровъ зыблемыхъ». По мнѣнію честныхъ пастырей, измѣненіе пасхалии приноситъ за собою обуреваніе и мяtekъ въ церкви, крамолы, раздоры, приближеніе къ жидовству; но если бы этого и не случилось, то все-таки не нужно вносить «неотериизма», а лучше держаться старины и слушаться стариковъ. (Что же не благочестивѣше и не благо-

говѣйнѣйше есть въ различныхъ вещехъ вкупѣ пребывать со старцы?). При этомъ замѣчалось, что вычисленія, на которыхъ основанъ новый календарь, не имѣютъ прочности и, по прошествіи трехсотъ лѣтъ, придется снова «астрономствовати» и вымышлять новыя перемѣны. Девятый изъ напечатанныхъ въ этой книжѣ «листовъ» заключаетъ посланіе, писанное Острожскимъ къ православнымъ христіанамъ при самомъ началѣ уніи (о немъ мы говорили выше), а десятый — увѣщательное посланіе аеонскихъ монаховъ. Въ ряду напечатанныхъ тогда въ Острогѣ книгъ, особенно важна книга «Апокризисъ» (изд. въ исходѣ 1597 года)¹⁾ подъ псевдонимомъ Филалета, — написанная, какъ говорятъ, Христофоромъ Бронскимъ, человѣкомъ, подобно Острожскому, склонившимся къ протестантизму. Вместо строгаго подчиненія духовнымъ властямъ въ дѣлѣ вѣры, она проповѣдывала равное свободное участіе свѣтскихъ людей въ церковныхъ дѣлахъ, ученіе о безусловномъ повиновеніи церкви называла жидовствомъ и доказывала, что свѣтскіе люди могутъ, по своему усмотрѣнію, не слушаться духовныхъ и низлагать ихъ. Въ 1598 году изданъ былъ священникомъ Василіемъ Псалтырь съ возслѣдованіемъ, другой Псалтырь съ часословомъ, въ 1605 и 1606 сочиненія патріарха Мелетія по поводу уніи, переведенныя Іовомъ Борецкимъ, а въ 1607 священникъ Даміанъ, братъ Наливайка, издалъ «Лекарства на оспалый умыселъ человѣчій», гдѣ помѣстилъ посланіе Златоуста къ Феодору Падшему и нѣкоторые слова и стихи, отчасти приноровленные къ своему времени. Въ Вильнѣ явились замѣчательныя сочиненія, не только полемическія, но и научныя, показывающія возникшую потребность воспитанія юношества; въ 1596 году издана была Грамматика словянскаго языка Лаврентіемъ Зизаніемъ, Азбука съ краткимъ словаремъ, Толкованіе на молитву: Отче нашъ, и Катехизисъ, излагавшій основанія православной вѣры. Затѣмъ русскія богослужебныя и религіозно-политическія сочиненія печатались и въ другихъ мѣстахъ.

Такъ положено было начало той южно-русской и западно-русской литературы, которая, впослѣдствіи, въ половинѣ XVII в., развилась до значительной степени.

Самъ Острожскій, несмотря на защиту, которую оказалъ православію въ дѣлѣ возникшей уніи, какъ аристократъ, для котораго польскій строй слишкомъ много представлялъ дорогого, былъ далекъ отъ какого-нибудь рѣшительного противодѣйствія насилию власти; онъ сдерживалъ и другихъ, поучая ихъ терпѣнію. Такимъ образомъ въ 1600 году онъ писалъ львовскому братству: «Посылаю вамъ декретъ, составленный на прошломъ сеймѣ, въ высокой степени противный народному праву и болѣе всего святой правдѣ, и даю вамъ не иной какой-нибудь совѣтъ, какъ только такой, чтобы вы были терпѣливы и ожидали Божія милосердія, пока Богъ, по своей благости, не склонить сердце его королев-

¹⁾ Противъ «Апокризиса» изданъ былъ въ 1600 г. «Антикризисъ» соч. грекомъ-уніатомъ Петромъ Аркудіемъ.

скаго величества къ тому, чтобы никого не оскорблять и каждого оставить при своихъ правахъ».

Въ этомъ совѣтѣ сквозило уже будущее бессиліе русской аристократіи въ дѣлѣ защиты отеческой вѣры.

По жалобѣ кіевскаго и брацлавскаго воеводствъ король назначилъ на сеймъ судъ между уніатами и православными.

Тогда умеръ Рагоза: мѣсто его въ званіи кіевскаго митрополита заступиль Ипатій Потій. Явившись вмѣстѣ съ Терлецкимъ на судъ, назначенный королемъ, онъ представляль, что духовныя дѣла не подлежать приговору свѣтскаго суда, что, сообразно божественному праву, законамъ королевства и правамъ христіанскимъ, они подлежать только суду духовному. Уніаты указывали на всякія существовавшія до того времени привилегіи, данные греческой церкви, какъ на документы, исключительно принадлежащіе по праву теперь только тѣмъ, которые признали главою своей церкви римскаго первосвященника. Король, съ совѣта своихъ радныхъ пановъ, призналь ихъ доводы вполнѣ справедливыми и обнародовалъ грамоту, по которой новому митрополиту и епископамъ, состоящимъ подъ первенствомъ митрополита, предоставляль право пользоваться своимъ саномъ, сообразно прежнимъ привилегіямъ, даннымъ сановникамъ греческой вѣры, управлять церковными имѣніями и творить духовный судъ. Король не признавалъ другой восточной церкви въ пользу Рѣчи Посполитой, кромѣ уже соединенной съ римскою. Всѣ не признающіе уніи были въ его глазахъ уже не исповѣдники греческой вѣры, но отщепенцы отъ нея. Тотъ же взглѣдъ раздѣляла съ королемъ вся католическая Польша и Литва.

Острожскій кончилъ жизнь въ февралѣ 1608 года въ глубокой старости. Сынъ его Янушъ еще при жизни родителя перешелъ въ католичество; другой сынъ, Александръ, оставался православнымъ, но дочери его всѣ приняли католичество, и одна изъ нихъ, владѣвшая Острогомъ, Анна-Алоизія, отличалась фанатическою нетерпимостью къ вѣрѣ своихъ праотцевъ.

Высшій классъ въ Польшѣ быль всемогущъ, и, конечно, если бы русское шляхетство оставалось твердо въ вѣрѣ и крѣпко рѣшилось стать за отеческую вѣру, никакіе козни короля и іезуитовъ не въ состояніи были бы ее ниспровергнуть.

Но въ томъ-то и заключалось несчастіе, что это русское шляхетство,— этотъ высшій русскій классъ, которому слишкомъ выгодно было находиться подъ властью Польши,— не могъ устоять противъ нравственного гнета, тяготѣвшаго тогда надъ православною вѣрою и русскою народностью. Породнившись съ польскимъ шляхетствомъ, усвоивши польскій языкъ и польскіе обычай, сдѣлавшиясь поляками по пріемамъ жизни, русскіе люди не въ силахъ были удержать вѣру отцовъ своихъ. На сторонѣ католичества быль бросающійся въ глаза блескъ западнаго просвѣщенія. Въ Польшѣ на русскую вѣру и русскую народность смотрѣли презрительно: все, что было и отзывалось русскимъ, въ глазахъ тогдашняго польского общества казалось мужицкимъ, грубымъ, дикимъ, невѣжественнымъ, такимъ, чего слѣдуетъ стыдиться образованному и высокопоста-

вленному человѣку. У католиковъ средство къ образованію было несравненно болѣе, чѣмъ у православныхъ; и потому дѣти православныхъ пановъ учились у католиковъ. Настроенные своими учительями, которые внушали имъ предпочтеніе къ католичеству, вышедши въ свѣтъ, въ которомъ они, при господствовавшемъ духѣ пропаганды, повсюду слышали о томъ же предпочтеніи, русскіе юноши неизбѣжно усвоивали тотъ взглядъ на вѣру и народность своихъ праотцевъ, какой обыкновенно имѣютъ на свое родное тѣ, которые заимствуютъ что-нибудь чужое съ полнымъ убѣжденіемъ, что это чужое служить признакомъ образованности и даетъ почетъ и уваженіе въ той средѣ, въ которой имъ суждено обращаться. Переходившіе въ католичество потомки православныхъ знатныхъ родовъ, оглядываясь назадъ на нравственное достояніе своихъ праотцевъ, очутились въ такомъ же настроеніи, въ какомъ были за много вѣковъ ихъ предки, когда, покидая язычество, усвоивали христіанство. Одни за другими принимали новую вѣру и стыдились старой. Правда, какъ всегда бываетъ въ переходныхъ эпохахъ, и въ эпоху окатоличенія русскаго шляхетства, въ продолженіи полу столѣтія и даже нѣсколько долѣе, оставались изъ русскаго высшаго класса приверженцы старины и заявляли свой голосъ, но ряды ихъ все болѣе и болѣе рѣдѣли, и, наконецъ, ихъ не стало; въ польской Руси особа, принадлежавшая по происхожденію и по состоянію къ высшему классу, стала немыслима иначе, какъ съ римско-католическою религіею, съ польскимъ языкъ и съ польскими понятіями и чувствованіями. Со временемъ унія въ Руси обнаружилось стремленіе поднять русскую церковь и русскую народность—создать русское образованіе, по крайней мѣрѣ, на первый разъ, религіозное, но это стремленіе опоздало для высшаго класса русскихъ земель, соединенныхъ съ Польшею. Этотъ высший классъ не нуждался болѣе ни въ чемъ русскомъ и смотрѣть на него съ отвращеніемъ, враждебно. Оказалось, что унія, вымыщенная сначала для приманки русскаго высшаго класса, также для него не пригодилась; паны безъ нея сдѣлялись чистыми католиками; унія осталась только средствомъ для уничтоженія въ громадѣ остального народа признаковъ православной вѣры и русской народности. Унія стала орудіемъ болѣе национальныхъ, чѣмъ религіозныхъ цѣлей. Принять унію—значило сдѣляться изъ русскаго полякомъ или, по крайней мѣрѣ, полу-полякомъ. Это направленіе проявилось съ первого же раза и неуклонно преслѣдовалось въ грядущія времена до самаго конца существованія уніи. Несмотря на то, что вначалѣ папа, собразно постановленіемъ флорентійской уніи въ XV вѣкѣ, утвердилъ неприкосновенность обрядовъ восточной церкви, уже въ началѣ XVII вѣка униатскіе духовные стали измѣнять богослуженіе, вводили разные обычай, свойственные западной церкви и не существовавшіе въ восточной или положительно отвергаемые послѣднею (какъ, напр., тихую обѣдную, служеніе нѣсколькихъ обѣденъ въ одинъ и тотъ же день на одномъ престолѣ, сокращеніе богослуженій и т. п.). Сближаясь все болѣе и болѣе съ католичествомъ, унія перестала быть восточную церковью, а стала чѣмъ-то посредствующимъ и въ то же время оставалась достояніемъ простого народа: въ странѣ, въ которой

простой народъ быль низведенъ до крайняго порабощенія, вѣра, существовавшая для этого народа, не могла пользоваться равнымъ почетомъ съ вѣрою, которую исповѣдывали господа; поэтому, унія въ Польшѣ стала вѣрою низшею, простонародною, недостойною высшаго класса; что же касается до православія, то оно въ общественномъ мнѣніи стало вѣрою отверженюю, самою низкою, достойною крайняго презрѣнія: то была вѣра не только хлоповъ вообще, какъ унія, но вѣра негодныхъ хлоповъ, не похожихъ или неспособныхъ, по своей дикости и закоснѣлости, стать на нѣсколько высшую ступень религіознаго и общественнаго уразумѣнія, то было не болѣе, какъ жалкое исповѣданіе презрѣнныхъ недовѣрковъ, которымъ и за гробомъ нѣтъ спасенія.
